

Елена Костюкович: «Я в Италию верю, как мало во что еще»

Человек, которому российские читатели обязаны знакомством с Умберто Эко, – Елена Костюкович на несколько дней приехала в Москву из Италии. Мы поговорили с ней о проблеме мигрантов, недооцененном Милане, искусстве чувствовать текст и многом другом.

Олеся САРАЕВА

Многих наших читателей очень волнует вопрос переезда в Италию. Однако это очень сложное решение – решение уехать в другую страну. Легко ли в свое время его приняли вы?

– В мое время, при Брежневе, уезжали по замужеству. В нынешней ситуации в Италии, безусловно, можно найти работу и достойно жить. Нужно только сильно сократить московскую расслабленность, потому что ритм жизни и ее четкость постоянно увеличиваются. Я считаю, у человека, который послал 150 запросов и получил 15 возможностей, пришел на интервью и произвел хорошее впечатление, все получится. К сожалению, так бывает не всегда – из-за русской расслабленности.

– Итальянцы собраннее, чем русские?

– Естественно! Я знаю, сколько успевают обыкновенная работающая итальянка за один день. Я знаю, что этот день начинается в 6.30, знаю, что построен он по секундам, знаю, что на ланч может быть отведено не больше 14 минут, и за это время вы успеваете поесть, пообщаться, множество дел переделать и на 14-ой минуте раскланяться. В Москве разве часто такое встретишь?

– Но ведь существует обратный стереотип: итальянцы привыкли расслабляться и наслаждаться жизнью...

– Это всего лишь стереотип. Конечно, можно найти неаполитанского лаццарони, который лежит под солнышком и греет пузо, но это не означает, что все итальянцы расслаблены. В Европе очень насыщенный ритм жизни. Хотелось бы, чтобы люди, которые планируют уехать в Италию, это понимали.

– У тех, кто сейчас уезжает, на ваш взгляд, есть перспектива найти работу даже несмотря на кризис?

– Кризис никогда никому не мешал найти работу. Он помогает ее потерять тем людям, которым просто не повезло или тем, которые это чем-то спровоцировали. Очень многие фирмы во время кризиса обновляют кадры. **– А как бы вы описали современное состояние страны в целом? Многие считают, что у Италии все лучшее – в прошлом.**

– Цивилизации на Апеннинском полуострове три тысячи лет. За это время она видела все – даже нашествие варваров. И всякий раз выпрямлялась, всякий раз создавалась новая культура. Я в Италию верю, как мало во что. Мне кажется, сам Апеннинский по-

луостров хранит в себе какую-то силу, которая никогда не позволит воцариться длительной разрухе или длительному упадку. Конечно, бывает трудно. Вот сейчас, например. Тем не менее, как видите, принимают мигрантов. Сколько людей несут им воду и еду!

– **А как вы относитесь к мигрантам?**

– А как я могу к ним относиться? Разумеется, прекрасно я к ним отношусь.

– **Но ведь многие говорят, что мигранты очень некультурно относятся к стране.**

– Есть такое. Значит, надо учить их относиться культурно.

«Я пишу книжку, которая будет посвящена пониманию Италии с точки зрения культуры. Это не путеводитель, а книга о стране».

С любимым человеком нужно обращаться, как с человеком. Да, лично мне не хотелось бы попасть в тесное пространство с мигрантом, который не очень приятно пахнет и, возможно, чем-то болен. Да, я буду из-за этого страдать. Но это совершенно не означает, что я перестану понимать, что ему нужно помочь.

Мое физическое желание оказаться в меньшем контакте с чем-то непривычным – это всего лишь физическое состояние, моя слабость. А моя сила состоит в том, что у меня есть мозг и есть принципы. А еще есть люди, которые мигрантам помогают, и я буду стараться соответствовать им, для меня это стимул к внутреннему росту.

Пусть наше физическое существо кричит: оставьте нас в покое, посадите нас во что-нибудь стерильное, прекрасное и благоуханное. Но наше моральное существо должно сказать нам, что нет такой нации и нет такой семейной цепочки, в которой кто-нибудь когда-нибудь не брел по этой дороге в немом и печальном состоянии. Я из еврейской семьи, я прекрасно знаю, что приходилось переживать и претерпевать моим предкам. Как же я могу сказать: «Нет, мы его не пустим!» То есть мы будем здесь жить, а его не пустим? А чем мы это заслужили?

– **В Италии есть общественные движения, активисты которых стремятся помочь мигрантам, или все-таки люди надеются на государство?**

– Волонтеров невероятно много. Я недавно ехала из Милана в Мюнхен в поезде, набитом мигрантами. И в какой-то момент мигрантов стали куда-то уводить. Мы знали, что уводят их в хорошее место, им предоставляют политическое убежище. Но эмоционально это был очень тяжелый опыт. Само чувство, что его уводят, а ты спокойно остаешься, очень ранит моральную фигуру, которая у нас у всех есть. По крайней мере, должна быть.

Конечно, проблему мигрантов в простом разговоре мы с вами не решим. Мы должны понимать, что это именно проблема, но ни вы, ни я, ни кто либо другой не должны говорить, что всех мигрантов надо выслать к чертовой матери. Нужно решать, как жить и как быть.

– **Давайте вернемся к стереотипам об Италии. Поговорим о Милане – городе, в котором вы живете уже почти тридцать лет.**

Многие думают, что в Милан следует приезжать только за шопингом и закрывают глаза на то, что это город с древнейшей культурной историей. Как изменить отношение к Милану?

– Я как раз пишу книжку, которая будет посвящена пониманию Италии с точки зрения культуры. Это не путеводитель, а книга о стране. О том, как человеку, который туда, грубо говоря, за сапогами приехал, еще и время интересно провести.

Милан я очень хорошо изучила: например, за последние годы ежедневно куда-нибудь забиралась, спускалась, какой-нибудь потолок осматривала – все специально для книги. Мне хочется составить мозаику – культурное лицо Милана. Чтобы и про сапоги не забыть, но и понимать, что есть что-то кроме них.

Я убеждена, что людям недостаточно просто потребления. Рано или поздно даже самый практичный, заземленный и прозаиче-

«И Милан, и Италия заслуживают большего внимания, чем то, которое к ним проявляет стандартный турист».

ский человек начинает понимать, что культура является частью богатства. И в ней нужно разбираться, иначе ты просто не сможешь ее употребить: подсунут не то. Погружение в культуру – очень большая работа, и человеку можно в этом помочь, можно открыть глаза на какие-то вещи. Это и есть моя цель.

И Милан, и Италия заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое к ним проявляет стандартный турист. Но стандартный турист ни в чем не виноват, он просто не знает, куда идти.

– Кажалось бы, путеводителей на полках любого книжного – великое множество...

– Это так, но информация в них либо разухабисто-веселенькая, пустая (и тогда человек начинает чувствовать большое раздражение, потому что его держат за идиота), либо слишком скупая и сухая. Читателю, например, сообщают, что миланский замок построен в XIV веке. Во-первых, будем честны,

мало кто отличит XIII век от XIV века в истории Италии, а во-вторых, то, что в итоге видит турист, – это не постройка XIV века, а замок, собранный по кусочкам в веке двадцатом. Туристу об этом не сообщают, но ведь это и есть самое интересное! Почему решили этот замок воссоздать, как действовали, из каких кусочков все это монтировали...

Если у меня получится, надеюсь, моя книга будет подспорьем для читателей, для путешественников.

– Какой город в Италии вам дорог больше других?

«Свой первый в жизни перевод я сделала в 17 лет, и он очень трогательный».

© САМУЭЛЕ ПЕЛЛЕККА

– Милан. Когда живешь где-то 30 лет, проходишь не только через много хорошего, но и через плохое, налепляешь на эти улицы, на эти камни свою тень, переживаешь множество моментов своей жизни – в том числе, трудных – и знаешь, что этот город тебе помог... Это вечная связь.

Милан являет собой настоящую культурную сокровищницу. Я, например, знаю, в какую дверь в Милане нужно войти, чтобы перед тобой открылся огромный древнеримский театр. Его мало кто видел, но, тем не менее, он есть – его видно из Google. *(Смеется.)*

Мне дорог Милан, кому-то дорог Рим, а люди в маленьких городах до невозможности влюбляются в свой маленький город.

– О да, эта вечная любовь итальянцев к городу, в котором родился...

– У меня есть отличный пример. Я десять лет снимала в Лигурии дом на лето – мы туда ездили с детьми. За горой находилась другая деревня, которую от первой отличить невозможно. Но между жителями этих деревень была вековая вражда. Все у соседей не так: и салат неправильный растет, и дрова не так колют, и в печку их не под тем углом кладут, а потому огонь горит неправильно.

– Хотя если представителей этих двух деревень поставить перед иностранцем...

– О да! Тогда они вместе. Об этом, кстати, Умберто Эко писал. Пьемонтец никогда не признает, что он чем-то связан с сицилийцем, но стоит им оказаться перед французом... все!

В этом смысле Италия отличается от России тем, что социальная жизнь на этом полуострове началась три тысячи лет назад и строилась по очень серьезным правилам. Я недавно читала книги расхода-прихода городского совета Сиены за 1260 год. Представьте, даже сейчас можно узнать, сколько стоили пуговицы на мундире сторожа городских ворот и какой была цена дров для сожжения еретика!

На обложке каждой амбарной книги именитые художники писали миниатюру – портрет главного казначея на этот год, чтобы че-

рез 10 лет при обнаружении недостатка люди знали, с кого спрашивать потерянные деньги. И казначей понимал, что его всегда найдут.

Социальная жизнь, которая основана на сменяемости, контроле и общественном внимании – вот условие, при котором расцветают таланты и формируются правильные взаимоотношения. Хотя, с другой стороны, нелегко жить в городе, где тебя видят насквозь.

В Милане, правда, легче – он большой.

– То есть можно отгородиться?

– Можно, казалось бы, если бы я вдруг не обнаружила, что в нашем квартале про меня знают все. Булочник рассказывает что-то овощнику, тот – мяснику, и так цепочка доходит до центра Милана. Наша чистильщица одежды – китаянка – на мои брюки прикрепляет иероглиф. Там указано: писательница. Спрашиваю ее удивленно: «Откуда вы знаете?» Отвечает: «Булочник сказал!».

– Давайте немного поговорим о профессии переводчика. За что ее можно любить и за что ее можно не любить?

– Профессию переводчика можно любить за то, что это отмеренная работа. Есть оригинальный текст определенного объема, и переводчик знает, что от него ждут книгу такой же величины. У писателя иначе: он не знает, какой выйдет книга, и сколько времени у него это займет. Если ты знаешь рамки – не навязанные тебе, а самостоятельно внутри тебя вызревающие – это дает спокойствие. Например, я знаю, что на перевод большого романа мне нужен год. А написать большой роман... Это заняло десять лет.

За что я не люблю переводческую работу? За то же самое, за что и остальные люди не любят, – я от нее устала. Вот, например, сапожник. Он любит свою работу? Любит!

«Когда переводчик встречается с текстом, который мало кому знаком, он понимает, что книгу нужно попросту спасти».

Нравится ему с ботинками возиться. Он не любит ее? Конечно, не любит, надоели ему ботинки эти! Я ведь работаю уже 35 лет.

– Вам когда-нибудь хотелось переделать свои ранние переводы?

– Свой первый в жизни перевод я сделала в 17 лет. Он очень трогательный. Он нигде не напечатан, и, если я соберусь его печатать, то не стану исправлять. Слова, звуки и ритмы, которые тогда возникали, абсолютно не воспроизводимы сейчас в моем возрасте.

Переводчик не хирург, он никого не убьет некачественной работой, некрасивым переводом. Так что пусть живут все – и плохие переводчики в том числе. Тем не менее, от плохого перевода есть несомненный вред: читатель теряет интерес к оригиналу, и к автору оригинала, а иногда и к переводной литературе вообще. Поэто-

му нужно стараться чувствовать текст, как будто это твое, ведь ты несешь ответственность за судьбу автора, который тебе доверился.

– Испытываете ли вы внутренний трепет, когда понимаете, что первой из русскоговорящих людей держите в руках уникальную работу?

– Когда переводчик встречается с текстом, который мало кому знаком, он понимает, что бесценную книгу нужно попросту спасти. В моей практике была книга «Подзорная труба Аристотеля» – это трактат XVII века, который никто до меня не переводил. Когда приступаешь к такой работе, текст с тобой будто бы невероятно громко разговаривает: «Спасибо тебе большое, я тут лежал 450 лет!». А ты в ответ: «Иди сюда, маленький, иди». Это не просто внутренние ощущения, это возможность пообщаться с целым миром, который никто до тебя не открывал.

Больше о творчестве Елены Костюкович можно узнать на сайте www.elkost.it ■